

DK 262
.K9
Rare Room

ЦѢНА 10 К.
ВЪПРОВИНЪ. 12 К.

ЖАДО

1906

ЛИТЕРАТУРНО САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1.

Элегія.

Заглянешь-ли въ небо, — тамъ звѣзды,
мерцающія,
На насъ такъ привѣтно глядятъ;
Заглянешь-ли въ сердце, — тоска тамъ
нѣмая,
Тамъ страсти убиты лежатъ.
Заглянешь-ли въ душу, — и въ ней, какъ
въ могилѣ,
Приходится чувствамъ молчать,
Молчать, уступая невѣдомой силѣ,
Какой, не сумѣю сказать.
О грозные рифы житейскаго моря
Разбились вы въ снасти души,
Извѣдали много вы злобы и горя
И смолкли на вѣки въ тиши.
И сонъ вашъ завѣтный ничто не раз-
будитъ,
Ничто не согрѣетъ подчасъ,
И вашихъ порывовъ злой свѣтъ не осудитъ,
Насмѣшки не тронутъ ужъ васъ.
Такъ спите-же чувства и страсти до гроба,
Души не тревожьте собой,
И будетъ чужда ей житейская злоба,
Она помутится судьбой.
И будетъ, какъ звѣзды, глядѣть безпри-
страстно
На жизнь, на удары судьбы;
Въ ней будетъ все чисто, все будетъ пре-
красно,
Безъ слезъ, безъ напрасной борьбы!

Душитъ каменная клѣтка,
Въ ней и сыро, и темно;
Солнце свѣтитъ рѣдко, рѣдко
Въ закоптѣвшее окно.
Долго, долго въ ней томится
Узникъ бѣдный присужденъ,
И на волю возвратиться
День и ночь мечтаетъ онъ.
Долго, долго онъ порою
Смотритъ въ узкое окно,
Но на волѣ, за стѣною,
Ему быть не суждено.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Гдѣ они?
Коль пролетка или карета
У извозчика грязна,
Иль торговецъ безъ билета
Что продастъ, хоть грошъ цѣна,—
Имъ устроить вмигъ облаву,
И сейчасъ въ участокъ свой
Ихъ потащить на расправу
Тутъ какъ тутъ городской.
Если-жъ ночью хулиганы
Въ переулочкѣ глухомъ
Проходящимъ всѣмъ карманы
Чистятъ, имъ грозя ножомъ,—
Гдѣ-жъ блюстители порядка,
Чей бы глазъ отъ зла хранилъ?
Они дремлютъ тихо, сладко,
Отвернувшись отъ громилъ.
Если гдѣ студентъ съ рабочимъ
Тихо рядышкомъ идутъ,
И бесѣду, между прочимъ,
О политикѣ ведутъ,—
Ихъ за шиворотъ хватаетъ,
И ужъ хоть ты волкомъ вой,
Вмигъ въ участокъ отправляетъ
Вѣрный стражъ, городской.
Если жъ наши учрежденья,
Банки, почту, кассы ссудъ,
Днемъ разграбятъ, безъ стѣсненья
Тѣ, кто любить легкій трудъ,—
Что жъ полиція не внемлетъ?
Гдѣ-же бдительный надзоръ?
Стражъ охраны мирно дремлетъ,
Опустивъ стыдливо взоръ. Демократна.

Знаетъ онъ, что прилетѣла
Въ міръ волшебница-весна,
Горы, степи, лѣсъ одѣла
Пышной зеленью она.
Знаетъ, въ мартѣ птичкамъ волю
Люди добрые даютъ,
И, забывши про неволю,
Тѣ такъ весело поютъ.
А его — тюрьмы объятъ,
Нѣтъ, не выпускать во вѣкъ,
Хотя люди ему братья
И онъ тоже человѣкъ. С.

Опять на родинѣ.

Живописно подъ горою
Сельскій домичекъ стоитъ,
И усталого къ покою
Онъ прохожаго манить.

Все въ немъ чисто и нарядно,
Съ неподдѣльной добротой,
Все въ немъ дышетъ такъ отрдано
Русской сельской простотой.

Возлѣ дома рѣчка вьется
И по камышкамъ шумить,
У рѣки табунъ пасется,
Пчелка въ кустикахъ жужжитъ.

Завернешь туда невольно,
Тамъ и ласка и привѣтъ,
Тамъ все мило, все привольно,
И уйти охоты нѣтъ.

А. Соколовъ.

НАШИ КРЕСТЬЯНЕ.

Сѣрое утро холодное,
Сѣрое небо, гуськомъ,
Молча плетется къ базару голодное
Сель населеніе, всё подгороднее,
Съ хлѣбомъ и сѣномъ шажкомъ.
Сѣрое ихъ одѣяніе,
Право тоску наведетъ;
Въ сердцѣ надежда, въ душѣ ихъ страданіе:
Можетъ быть все на возу достояніе —
Скоро-ль купить кто придетъ?
Вотъ они сѣрые грустные,
Молча рядами стоятъ;

Грустно торчатъ ихъ кочаны капустные;
Въ торгѣ крестьяне, увы, безыскусные,
Лишняго съ васъ не хотятъ.
Вотъ покупатели разные
Ѣздить и ходять межъ нихъ,
Лица ихъ чистыя, лица ихъ грязныя,
То миловидныя, то безобразныя,
Барынь, мужей, поварихъ...
Сѣрое утро холодное,
Просто зима настаетъ.

Долго торгуется племя голодное
За предложеніе съ трудами несходное
И за безцѣнъ отдаетъ.
Но вотъ воза ихъ скрипучіе
Тихо плетутся домой;
Что лишь добыли плечи могучія
Въ дни тѣ тяжелые, лѣтніе, жгучіе,
Сбыто—для хлѣба зимой.

А. Соколовъ.

Удовольствія.

Какъ пріятно въ январѣ
Безъ сапогъ прожить въ норѣ;
Въ февралѣ пріятно тоже
Быть въ своей одной лишь кожѣ.
Въ мартѣ славный случай есть
Поскользнувшись въ лужу сѣсть;
И подъ часъ въ морозъ въ апрѣлѣ
Растянуться на панелѣ.
Въ маѣ славно холодкомъ
Прохлаждаться вѣтеркомъ;
А въ іюнѣ въ жаръ ужасный
Пить горячій чай прекрасный.
Но въ іюлѣ случай есть
Супу съ мухами поѣсть;
Да и въ августѣ не худо
Опростать такое блюдо.
Въ сентябрѣ уже подстать
На дождѣ заночевать;
Иль въ октябрьскую погоду
Забрести по поясъ въ воду.
Въ ноябрѣ-жъ, въ большой морозъ,
Отморозить славно носъ;
Но пріятнѣе найпаче
Въ декабрѣ прожить на дачѣ.

Александръ Колочій.

Бюрократу.

Въ роскоши родился,
Въ роскоши и взросъ,
Теперь еще разжился
Поднялъ гордо носъ.
Не кланялся, не гнулся,
Объ полъ не билъ челомъ,
А теперь раздулся,
Нажилъ полонъ домъ.
Хоть нечестно было
Нажито добро,
Но раздулось рыло,
Обросло ребро.
Вотъ теперь взгляните:
Богатымъ сталъ — куда!
Хотя вы и браните
Ему вѣдь не бѣда.
Отъ чужой работы
Безъ нужды живетъ;
Нѣтъ ему заботы
Горе не беретъ.

А. С.

Трусь.

Чуть тучу вижу я на небѣ громовую,
Я тотчасъ убѣгу — и спрячусь въ кладовую.
Вамъ кажется, что я бѣгу туда укрыться?
Нисколько, я бѣгу туда, чтобы напиться.

А. С.

Голодные.

Измученные, истерзанные нуждой, страшно исхудалые, съ выраженіемъ ужаса и отчаянія, точно какія-то кошмарныя тѣни бродили голодные по суровымъ и мрачнымъ городскимъ улицамъ.

Жадными, ненасытными, алчущими, ненавистными и отчаянными глазами смотрѣли они въ окна съѣстныхъ магазиновъ, мысленно пожирали вкусныя яства, такъ заманчиво выставленныя въ окнахъ лавокъ, и въ безсиліи съ болью глотали пересохшими горлами слюну.

— „Эхъ, кабы похрюпать вонъ эту штучку! Не бурчало-бы тогда въ животѣ. Важно было-бы попользоваться нѣсколькими хлѣбцами и парочки этакъ со двѣ колбасы, чтобы накормить себя и семью. Не померла бы она съ голода. Но ничего не подѣлаешь, придется съ семействомъ помирать съ голодухи проклятой... Видно никакого избавленія намъ бѣднымъ людямъ нѣтъ отъ этихъ мученій, окромя смерти“ — проносились отчаянныя, выстраданныя мысли въ головахъ голодныхъ людей.

На нихъ были одежды изорванныя и въ разноцвѣтныхъ заплаткахъ, подобно большимъ безкровнымъ, но страшнымъ ранамъ покрывавшимъ разлагавшійся трупъ. Въ клочья изодранныя рубища и сами полунагіе ихъ обладатели съ подтянутыми животами и истрепавшимися на ногахъ опорками, изъ которыхъ торчали пальцы, смотрѣли сурово и непріятно глубоко впалыми глазами.

Природа бѣсновалась.

Казалось она хотѣла стереть съ лица земли этихъ глубоко несчастныхъ, обездоленныхъ и жалкихъ существъ, которыя въ засаленныхъ, грязныхъ одеждахъ чудились большими двигавшимися черными земляными комьями на сѣромъ фонѣ дня.

Вѣтеръ злобно крутилъ по улицамъ снѣговую пыль, щедро обсыпывая ею тоскливо шляющихся безработныхъ и рвалъ жалкія рубища, едва прикрывавшія ихъ тѣла. Окоченѣвшіе отъ холода и измученные голодомъ люди ежились и болѣзненно вздрагивали всѣмъ тѣломъ. Въ воздухѣ лилась ихъ приниженная, жалкая и безнадежная просьба:— Товарищи, помогите безработному! Жена и дѣти умираютъ съ голоду.

Ужасная, кошмарная, никого нещадившая убійца, смерть, поселялась въ обнищавшихъ семьяхъ и жадными прожорливыми глазами слѣдила за своими жертвами, съ алчностью набрасывала на нихъ свое роковое покрывало, послѣ чего удалялась.

Такъ гибли обреченные на смерть нуждою эти несчастныя существа! Многія изъ нихъ тутъ-же на улицѣ въ безсиліи отъ истощенія падали и умирали въ предсмертныхъ мученіяхъ, глотая снѣгъ. А ихъ окоченѣвшіе хладные трупы продолжали смотрѣть своими стеклянными глазами, въ которыхъ таились безумный страхъ смерти, укоръ и угроза...

Болѣе счастливые изъ своихъ товарищей или быть можетъ болѣе несчастные изъ нихъ, которыхъ смерть пощадила затѣмъ, чтобы потомъ убить еще страшнѣе и ужаснѣе,—попадали въ больницы, гдѣ выздоравливали, чтобы потомъ здоровымъ умереть съ голоду.

Какая жестокая иронія судьбы!

Валько-Отшельникъ.

Подобрали.

— Говорятъ, что въ Петербургѣ хотятъ переименовать названіе „Полицейскій мостъ“ въ другое?

— А какъ-же его назовутъ?

— Не знаю...

— Я хотѣлъ-бы, что-бы назвали его...

— „Какъ“

— „Жандармскій“!

— Ой, нѣтъ, еще хуже...

— Казачій!

— Еще чище. Да ты не шути! Такой переулочекъ есть, а ужъ если-бы ты зналъ какъ онъ мнѣ надоѣлъ?! Я тамъ часто бываю, къ мушкетѣ похаживаю. И представь себѣ, ужъ я ее просилъ, просилъ, чтобы она переѣзжала на приличную улицу, — не хочетъ, каналья, говоритъ: привыкла, хозяйка хоршая, адресъ не стоитъ мѣнять. Что ты будешь дѣлать? — поговори-ка съ ней, поговори!

— Такъ ты дай ей денегъ на переѣздъ, по генеральски отсыпь, какъ М-ше Макаровой, тыщенокъ десять!

— Не въ силахъ... Ну, такъ какое-же названіе?

— „Офицерскій“!

— Улица есть такая... Грязная такая, ужъ больно она намъ надоѣла — лучше-бы не вспоминалъ...

— „Осетровскій“!

— Ой, что ты угорѣлъ?! Офицеръ! Осетръ! неподходящія слова, не стоитъ!

— Ну, „Думскій“!

— Нѣтъ, нехорошо...

— „Черносотенскій“!

— Фу, фу, что съ тобой, пусть ужъ лучше остается старое названіе.

— „Губернаторскій“!

— Охъ батюшки! охъ, да что ты, ужъ эти губернаторы ихъ и изъ головы не выколотишь.

— „Революціонный“!

— Что ты, голубчикъ, да развѣ назовутъ такъ...

— „Соціалъ-демократическій“!

— Боже мой, Боже мой, съума сошелъ!

— „Кадетскій“!

— Не подходитъ — это слово временное, знаешь, изъ него какое можетъ родиться?!

— Какое?

— „Анархическій“!

— Ну, ужъ вотъ самое подходящее: „Стесселевскій“!

— Что ты бѣлены обѣлся, вѣдь черезъ него ни одинъ извозчикъ не поѣдетъ; лошади будутъ пугаться. Нѣтъ...

— „Куропаткинскій“!

— Не вытерпѣть, провалится, опять новый придется строить.

— „Парламентскій“!

— Вотъ это да, хорошо, отлично! Поѣдемъ завтра предложить градоначальнику.

Парламентскій! Парламентскій!

— Поѣдемъ!

— Обязательно!

Попъ съ рогами.

(Преданіе).

Не видалъ я самъ глазами,
Но я слышалъ: говорятъ,
Будто какъ-то попъ съ рогами
Подъ арестъ былъ гдѣ-то взятъ.

Жаденъ былъ тотъ попъ не въ мѣру
И, любя гроши копить,
Вздумалъ взяться за аферу,
Что-бы сразу кушъ нажить.

Зналъ онъ самъ, что у сосѣда
Денегъ куры не клюютъ,
И все думалъ отъ обѣда:
Ухитриться какъ-бы тутъ?!

Наконецъ и ночь настала;
Попадья его хранилъ,
Ужъ огней нигдѣ не стало
И народъ повсюду спитъ.

Попъ привсталъ и, на скамейку
Сѣвъ, фонарь себѣ зажегъ,
И съ ножомъ, надѣвъ скуфейку,
Вышелъ тихо, сколько могъ.

Вотъ онъ въ хлѣвъ зашелъ и что-же?
За рога козла беретъ
И, зарѣзавъ на рогожѣ,
Кожу онъ съ него деретъ.

Изрубивъ козла на части,
Онъ въ амбаръ тихонько снесъ,
Чтобы ночью, по напасти,
Не стащилъ ихъ вѣрный песъ.

Попъ, задувъ огонь, усѣлся,
Знать попутали враги,
До нага онъ весь раздѣлся,
Снялъ скуфью и сапоги.

А потомъ, ужъ словно сдуру,
Ваську бѣднаго сгубя,
Всю его съ рогами шкуру
Онъ напялилъ на себя.

Нарядившись такъ красиво,
Попъ нашъ голову нагнулъ,
И невольно какъ-то живо,
По козлиному прыгнулъ.

Тутъ, довольный попъ нарядомъ,
Черезъ заборъ свой перелѣзъ,
И къ сосѣду, прямо на домъ,
Поплелся, какъ нѣкій бѣсъ.

Подъ окномъ стучить. „Что надо?“—
„Я явился за душой,
Злой посланникъ злого ада,
Большихъ дьяволовъ большой.“

„Отступись нечиста сила!“
„Откупись, тогда уйду“
„А на откупъ сколько-бъ было?“
„Сколько въ ларчикъ найду.“

„Не ходи сюда, лукавый,
Самъ отдамъ тебѣ ларецъ!“
„Ну, давай твой скардъ неправый,
А не то душѣ конецъ!“

И, ларецъ забравши въ руки,
Попъ спѣшитъ скорѣй домой,
Чтобъ своей продѣлки штуки
Въ темнотѣ сокрыть ночной.

Но пора и раздѣваться,
Снять съ себя костюмъ козла,
Но какъ съ шкурой развязаться,
Шкура къ тѣлу приросла.

Ходитъ бѣдный попъ съ рогами,
Плачутъ дѣти, попададя,
Заливаясь слезами,
Молвятъ: „Богъ тебѣ судья!“

Вскорѣ все потомъ узнали,
Попъ покался во всемъ,
Но какъ шкуру не снимали—
Все-жъ остался онъ козломъ.

И, Россію проѣзжая,
Чуть спросите стариковъ,
Все вамъ скажутъ, увѣряя,
Что, молъ, случай былъ таковъ.

А. Соколовъ.

На могилахъ.

Грустно на сердцѣ и больно,
Кресты за крестами стоятъ;
Время ихъ клонить невольно,
И подъ крестами привольно
Борцы отстрадавшіе спятъ.

Грустно въ душѣ отдается
Чернаго ворона крикъ,
Ласточка сизая вьется,
И въ поднебесьи несется
Съ ближняго пруда куликъ.

Жутко кусты за кустами,
Угрюмо склонившись, стоятъ;
Корни давно съ мертвецами
Срослись, и только мѣстами,
Осины листомъ шевелятъ.

Вотъ солнце имъ на прощанье
Отбросило радостный лучъ;
Въ могилахъ очнулось страданье,
Но отблескъ зари въ упованье,
Сіяетъ ему изъ за тучъ.

А. Соколовъ.

БОРЦУ.

Борецъ!—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь неправду и ложь,
Ты вѣчное жизнью ново,

Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь

Свободное слово!

А. С.

Грусть узника.

Въ вѣчный покой проводили
 Борца. Онъ такъ честно прожилъ!
 Были тамъ все, кто любили,
 Кто имъ по гробъ дорожилъ.
 Не былъ лишь я, хотъ обязанъ
 Былъ я всехъ больше грустить;
 Ахъ! я тюрьмою былъ связанъ,
 Гробъ я не могъ опустить.
 Ахъ! почему надъ могилой
 Слезъ не пролилъ я своихъ,
 Гдѣ онъ навѣкъ молчаливый,
 Въ горѣ покинулъ родныхъ?
 И, съ того дня рокового,
 Вѣчная грусть—мой удѣлъ;
 Крова лишился родного,
 Думать о счастьѣ не смѣлъ.
 Боже! услышь хотъ рыданья,
 Вопли души успокой,
 Дай ему миръ покаянья
 Вѣчный загробный покой.

Александръ Колючій.

Другу.

То сватаешься ты, то хочешь отказаться;
 То любо холостымъ, то нелюбо остаться.
 Совѣта просишь ты? Изволь: какъ твой отецъ,
 Ты вовсе не женись и выбору конецъ!

Ты сердишься? Но я нисколько не блажу
 И прямо на отрѣзъ всегда тебѣ скажу:
 Жениться-ль, вѣшаться-ль приходится тебѣ—
 Совѣта у людей не спрашивай себѣ!

А. С.

Д У М Ы.

Все душа чего-то просить,
 Все томить ее тоска;
 Дума сердце вдаль уносить,
 Зорька-жъ счастья не близка.

И отрады и покоя
 Для души не достаетъ,
 И въ тоскѣ напрасной ноя,
 Сердцу вѣсть душа даетъ.

Думы, думы! нѣтъ вамъ воли,
 Васъ ничто не оживить;
 И сердечной, тяжелой боли
 Здѣшний свѣтъ не исцѣлитъ.

Думы, думы! нѣтъ вамъ счастья,
 Горя вамъ не обойти;
 Въ шумѣ-жъ оргій, сладострастья,
 Вамъ утѣхи не найти.

Щепетительный холодъ свѣта
 Васъ собой не заглушить;
 И всегда въ душѣ поэта
 Вамъ святой огонь горитъ.

Думы, что-же вы такое
 И зачѣмъ полны тоской?
 Не живетъ вамъ въ покоѣ,
 Да къ чему вамъ и покой?!

Васъ влечетъ мечта въ объятья
 Счастья, ласки и любви;
 Вамъ смѣшны людей проклятья,
 Вамъ тепло въ родной крови!

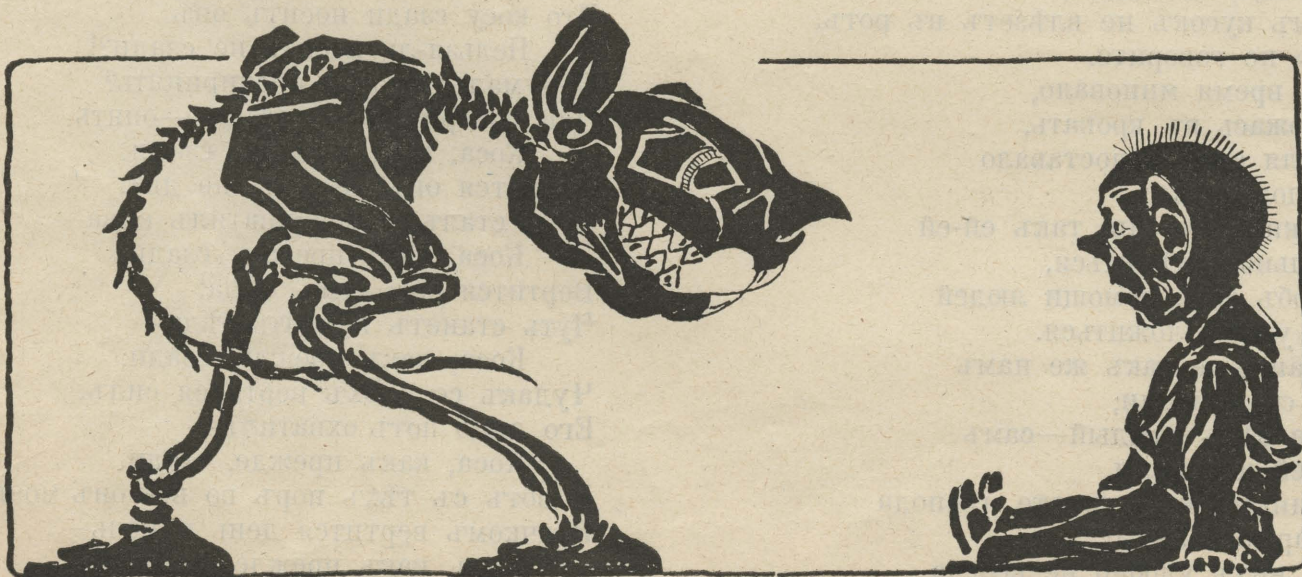
Думы, думы! что-жъ вамъ надо?
 Вамъ не льститъ коварный рокъ;
 Въ небѣ вамъ одна отрада,
 Но къ нему вамъ путь далекъ!

А. Соколовъ.

Черносотенному поэту.

Долой съ главы вѣнецъ лавровый!
 Сорви и брось его къ ногамъ—
 Онъ обагренный, онъ кровавый
 Онъ не пойдетъ къ твоимъ чертамъ.

Александръ Колючій.

Старые халаты.

Скиньте, скиньте, господа,
Старые халаты;
Въ нихъ удобно не всегда,
Хоть и много ваты.
На лежанкѣ грѣться вѣкъ
Впору лежебоку,
А рабочій человѣкъ
Въ ней не видитъ проку.
Полно нѣжить вамъ себя,
Обвернувшись въ ватѣ,
Дни и ночи лишь губя,
Сидя вѣкъ въ халатѣ.
Въ супъ сама не упадетъ
Курица, не ждите;
Самъ кусокъ не влѣзетъ въ ротъ,
Что не говорите.
То ужъ время миновало,
Какъ ложасть въ кровать,
Намъ для сна не доставало
Пятки почесать.
Можно, что-ли, такъ ей-ей
Сильно облѣниться,
Чтобъ безъ помощи людей
Не умѣть ложиться.
Вѣдь дана-же такъ же намъ
Голова съ мозгами;
Родился вѣдь каждый—самъ
Съ волей и руками.
Скиньте-жъ, скиньте, господа
Старые халаты;
Въ нихъ удобно не всегда
Хоть и много ваты.

А. С.

Юному герою.

Съ мечтой возвышенной и чистой,
Съ надеждой свѣтлой во Христа,
Дорогой узкою и длинной
Иди, герой, борьба чиста!

Терпи, борцы! и безъ роптанья
Неси свой крестъ народныхъ слезъ;
Вѣрь, что за всѣ твои страданья
Вознаградить тебя Христосъ!

А. Соколовъ.

Чудакъ.

Сдинъ чудакъ былъ разсерженъ,
Что косу сзади носить онъ.
Нельзя-ль носить не сзади?!
Подумалъ: что-бы предпринять?
Дай повернусь! Но что-жъ—опять
Коса, какъ прежде, сзади.
Вертится онъ не разъ, не два;
Чуть сталъ, рукой хватилъ едва—
Коса, какъ прежде, сзади.
Вертится онъ туда, сюда;
Чуть станетъ и опять бѣда—
Коса, какъ прежде, сзади.
Чудакъ со всѣхъ вертится силъ,
Его лицо потъ охватилъ—
Коса, какъ прежде, сзади.
И вотъ съ тѣхъ поръ во всю онъ мочъ
Волчкомъ вертится день и ночь—
Коса, какъ прежде, сзади.

Александръ Колочій.

З м ѣ я.

Жалить хочу я всѣхъ безъ разбора,
Много на жалѣ я яду скопила!
Колеть насъ ежъ, беззащитныхъ, о, горе!
Жалить всѣхъ буду, давно говорила.

Сѣрому волку много раздолья,
Мы беззащитны, таковъ произволъ;
Скоро-ль настанетъ день нашъ приволья,
Скоро-ль вздохнемъ мы?... Долой произволъ!
А. С.

М Е Л О Ч И.**Выборъ.**

— Что нужно подгонять жизнь подъ законъ,
или законъ подъ жизнь?
— Конечно, законъ подъ жизнь!
— То-то, ты по убѣжденіямъ-то, кажется, не
бюрократъ!

Заграницей.

(Русскій у доктора).

— Помогите мнѣ, докторъ, у меня отъ переменъ
пищи сильнѣйшее малокровіе; въ Россіи у меня
этого не было.
— Да, да... вамъ-бы можно прописать желѣзо,
если-бы вы не нуждались въ золотѣ, а въ этомъ
случаѣ наука безсильна.

Куда-же больше?!

— Не знаю, Коля, все думаю, что дѣлать съ
маленькимъ Мишей?
— А, что?
— Да оретъ съ утра до вечера безъ толку.
— Такъ опредѣли его въ частную оперу, онъ
вѣроятно больше никуда не годится.

Русскіе идолопоклонники.

— А что, есть въ настоящее время идоло-
поклонники?
— О, много, сколько угодно!
— Кто-же?
— Поклоняющіеся кронштадтскимъ богоро-
дицамъ, попамъ и полицмейстерамъ.

Уравненіе.

Крестьянинъ + помѣщикъ = бѣдность.
Крестьянинъ — помѣщикъ = богатство.

Удрала.

— О, если-бы всѣ знали, какая у меня бѣда!
жена удрала...
— Куда! съ кѣмъ-же?
— Съ любовникомъ...
— Ну, это не бѣда, а умения вотъ съ капи-
таломъ!

Въ провинціи.

— Ты что это за сука ухватился?
Казенный лѣсъ воровать хочешь?..
Да я тебя сейчасъ къ уряднику...
— Я родименькій, не затѣмъ... Я повѣситься
хотѣлъ...
— А, это другое дѣло, такъ-бы и говорилъ!

Бюрократъ и помѣщикъ.

— А что, М. И., не завести-ли намъ бен-
зиновую движимость въ видѣ коляски?
— Что ты, М. Х., развѣ мы обѣднѣли, что
и лошадей держать не можемъ?

Два слѣпыхъ.

— Иванъ, пока до свиданья, завтра уви-
димся...
— Да, да, конечно, приходи!

Двойная бухгалтерія.

— Слушай, Сережа, что это такое бухгалтерія,
да еще двойная?
— Бухгалтерія, понимаешь, это такой счетъ;
двойная — гдѣ все вдвойнѣ записывается.
Допустимъ израсходовалъ бюрократъ 10000
руб., а записываетъ 20000 руб. Оттого она и
называется „двойная бухгалтерія“.

ВЪ ЕДИНЕНІИ—СИЛА.

П. П. П.

С. 17. ОРТ.

П. МИР. ОБН.

Еженедѣльный художественно-литературный сатирический и юмористический журналъ

„Ж А Л О“

Цѣна отд. № 10 к., въ провинціи 12 к.

Редакція: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 104, кв. 82.

Редакція открыта: по вторникамъ и пятницамъ отъ 6—8 ч. вечера.

Журналъ продается у всѣхъ газетчиковъ и въ книжно-газетныхъ кіоскахъ. Въ провинціи журналъ „ЖАЛО“ можно получить въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Изъ редакціи отдѣльные номера высылаются за двѣ семикопеечныя марки.

Объявленія принимаются по 25 коп. за строку петита.

Рукописи и рисунки, доставляемые въ редакцію, должны быть за подписью автора. Произведенія безъ обозначенія размѣра гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.